

пути ударами, щедро раздаваемыми лакеями, лишь потому, что лакеи самодура, позволившаго себѣ что-либо подобное, будутъ убиты на мѣстѣ. Извѣстное равенство существуетъ сейчасъ на улицахъ и въ общественныхъ мѣстахъ между рабочимъ и хозяиномъ, потому что, благодаря предыдущимъ революціямъ, чувство собственного достоинства рабочаго не позволить ему снести обиды со стороны хозяина. Писанные же законы тутъ не причемъ.

Въ современномъ обществѣ, раздѣленномъ на рабовъ и хозяевъ, не можетъ существовать настоящей свободы; о ней не можетъ быть и рѣчи, пока будутъ эксплуататоры и эксплуатируемые, правители и подданные. Но изъ этого не слѣдуетъ, что до того дня, когда анархическая революція уничтожитъ всѣ соціальныя различія, мы согласны, чтобъ печать была порабощена, какъ въ Германіи, свобода собраній преслѣдуема, какъ въ Россіи, неприкосновенность личности пренебрегалась, какъ въ Турціи.

Какими-бы рабами капитала мы ни были, мы хотимъ печатать все, что найдемъ нужнымъ, собираться и организоваться по своей волѣ и все это, главнымъ образомъ, для того, чтобъ, какъ можно скорѣе, свергнуть постыдное иго капитала.

Но пора понять, что не у конституціоннаго правительства мы должны просить помощи. Не въ кодексъ законовъ, который можетъ быть уничтоженъ по первому капризу правителей, мы должны искать защиты своихъ естественныхъ правъ. Только, когда мы станемъ организованной силой, способной внушить уваженіе къ своимъ требованіямъ, мы сумѣемъ постоять за свои права.

Захотимъ-ли мы свободы печати, свободы слова, собраній, союзовъ — мы не должны просить ихъ у парламента, не должны ждать отъ сената, какъ милостыни, изданія соотвѣтствующаго закона. Станемъ организованной силой, способной показать зубы каждому, дерзнувшему посягнуть на наши права; *будемъ сильны*, и никто не посмѣетъ тогда запретить намъ говорить, писать и собираться. Въ тотъ день, когда мы сумѣемъ вселить единодушіе въ среду эксплуатируемыхъ, въ эту молчаливую, но грозную армію, объединенную однимъ желаніемъ — пріобрѣсти и защищать свои права, никто не дерзнетъ оспаривать ихъ у насъ. Тогда и только тогда, мы *завоеуемъ* себѣ эти права, которыя мы тщетно бы *просили* десятки лѣтъ у какого бы ни было конституціоннаго правительства, тогда они будутъ принадлежать намъ вѣрнѣе, чѣмъ если бы ихъ гарантировали писанные законы.

Правъ не даютъ, ихъ берутъ!

Къ молодымъ людямъ.

I.

Молодые люди, я обращаюсь сегодня исключительно къ вамъ. Пусть старики, т. е. старые духомъ и сердцемъ, оставятъ эту книгу и не утомляютъ даромъ глазъ надъ чтеніемъ, которое имъ ничего не дастъ.

Я полагаю, что вамъ восемнадцать, двадцать лѣтъ, что вы заканчиваете ваше образованіе или обученіе ремеслу и вступаете въ жизнь.

Я думаю, что вы свободны отъ предразсудковъ, которые вамъ старались внушить; вы не боитесь чертей и не станете слушать пустыхъ бредней священниковъ и пасторовъ.

Вы не принадлежите, конечно, къ тѣмъ печальнымъ продуктамъ челоуѣчества въ періодъ упадка, къ тѣмъ жуирамъ, которые цѣлые дни мѣрять тротуары въ модныхъ брюкахъ, съ выложенными фізіономіями, и уже въ этомъ возрастѣ мечтаютъ только о безплодныхъ развлеченіяхъ. Напротивъ, я думаю, что вы здоровые люди, жаждующіе разумнаго труда, и потому я обращаюсь къ вамъ.

Не разъ уже вы ставили себѣ, должно быть, слѣдующій вопросъ: кѣмъ я буду? Въ васъ ясно сознаніе, что вы изучали какую-нибудь науку или ремесло — на счетъ общества, замѣьте это, — не для того, чтобъ воспользоваться ими, какъ орудіемъ для эксплуатации. Надо быть слишкомъ испорченнымъ и извѣденнымъ пороками, чтобъ не желать въ вашемъ возрастѣ посвятить всѣ свои способности, знанія и силы служенію тѣмъ, которые коснѣютъ въ невѣжествѣ и нищетѣ.

Вы, конечно, мечтали объ этомъ?

Поговоримъ о томъ, какъ осуществить ваши мечты.

Я не знаю, въ какихъ условіяхъ вы родились и воспитывались. Можетъ быть, баловни судьбы, вы получили научное образованіе; вы будете докторомъ, адвокатомъ, писателемъ или ученымъ; широкое поле дѣятельности откроется передъ вами; вы вступите въ жизнь съ обширными познаніями,